

«ПЬЕСУ ЖИЗНИ МЫ СОЧИНЯЕМ ВСЕ ВМЕСТЕ»

НАШ СОБЕСЕДНИК —
ПИСАТЕЛЬ

ГРИГОРИЙ ГОРИН

— Ваша пьеса была впервые поставлена в Таллинне ровно 20 лет назад. Это был «Банкет», написанный вместе с Аркановым. Позже в Русском театре увидели свет рампы «Феномены», теперь «Кот домашний средней пушистости». Связывает ли вас с Таллинном еще что-то?

Сов. Астония. — Таллинн. — 1990. — 24 февр.

— Естественно. Я дружен с Прийттом Аймла, он переводил многие из моих рассказов. Дружу я и с Эйно Васкиным, который ставил в Финляндии мою пьесу «Забить Герострата». Там мы с ним встретились и сблизились. Надеюсь, что сейчас завел новых друзей и в Русском театре.

— Что вы испытываете на спектакле, к появлению которого причастны?

— Я все-таки смотрю на это, как на нечто самостоятельное живущее. Уже давно отмечено, что придумывается одна пьеса, пишется другая, а ставится всегда третья. Приходят живые люди, натягивают ее на себя, потому и возникает своего рода отстраненность.

Вроде бы автору и неприлично смеяться, но ты смеешься, поскольку видишь, кажется, совершенно незнакомых героев. Да, я знаю сюжет, но это не мешает мне следить за всем происходящим с интересом. И эмоции самые разные: от радости и удивления до раздражения. Тут очень сложная гамма, тем более, что каждый театр — это свой мир. Не может, скажем, таллиннский театр ставить, как московский, потому что все другое — проблемы, публика, ассоциации. Это и на зарубежных спектаклях я чувствовал, когда слышал свои пьесы по-английски или по-немецки и удивлялся тому, что зал реагирует совсем не там, где я ожидал. Все зависит от жизненной ситуации того или иного города, той или иной страны. Что же касается таллиннского «Кота домашнего средней пушистости», я рад, что спектакль подарил мне возможность искренне говорить добрые слова, глядя каждому в лицо. Я благодарен за это театру.

— Сегодня жизнь предлагает сюжеты, которые не под силу и самому изощренному воображению.

— Наверно поэтому драматурги так часто и меняют профессию. Даже становятся президентами страны, как В. Гавел в Чехословакии. В свое время я подписал письмо в защиту Гавела-драматурга, а теперь он приезжает к нам как глава государства. Все очень меняется, и пьеса, которая разыгрывается в жизни, которую мы сочиняем все вместе, всегда и смешнее и драматичнее выдуманной. К сожалению, пьеса жизни сегодня из тех, что разрывает души и сердца.

— Вам приходилось подписывать много писем?

— Ну... В последнее время — да, поскольку я нахожусь в «Апреле», и мы выступаем с политическими манифестами. Так что подписываю, хотя и не очень люблю. Не потому, что боюсь, просто все время приходится идти на компромиссы даже с самим собой. Скажем, что-то не нравится в письме, но уже недофразы. Конечно, хочется быть кошкой, которая гуляет сама по себе, но бывают моменты, когда не до этого. Когда обижают человека, многое отступает на задний план. Арестовали Гавела и тут не было вопросов — подписываться или не подписываться рядом с людьми, которые лично мне не очень симпатичны.

— Поговорим о людях симпатичных. Говорят, актеру очень повезет, если он встретит своего режиссера. Вероятно, то же самое относится и к драматургу.

— Понимаю, куда вы клоните — к Захарову. Захаров — моя судьба. С ним сделано несколько спектаклей, четыре фильма. И — дружба, конечно, глубокая, каждодневная. Без звонка на ночь у нас не бывает... Он человек, которому практически не надо объяснять, что я написал. Часто Марк Анатольевич начинает репетировать, когда я еще не окончил пьесу. Он как бы присутствует при процессе написания, рабо-

тает вместе со мной. Это не значит, что мы не спорим и не ссоримся...

— Более того, возникает ощущение, что вы абсолютно разные люди.

— Разные, совершенно разные. По целому ряду вопросов просто не соглашаемся, более того, не приемлем точек зрения друг друга. Тут есть еще и некая ревность, семейная такая. Когда с «Котом домашним» я пошел в «Современник», он отнесся к этому... без энтузиазма. Тем более у нас получился сейчас очень хороший спектакль — «Поминальная молитва». Он весь — заслуга Захарова, который просто здорово придумал спектакль. У нас разные профессии. Мое дело — слово, а он поразительно чувствует свет, цвет, звук. Мы точно распределились. Я не задаю ему idiotских вопросов — почему вдруг все в красном выходят. Значит — он так видит. Но и я не уступлю реплики или монологу. Он говорит: «Надо бы ужать». Но я держусь, и он уступает.

— Иногда кажется, что на вашем творческом содружестве годы застоя не отразились — что задумывали, то и делали. «Тиль», «Мюнхгаузен»...

— Не скажите... Свифт был страшно искорежен и на три года лег «на полку». И вышел не тогда, когда был бы особенно ко времени. И «Убить Дракона», со всеми его недостатками, опоздал. Но оттого, что «не пускали», у меня тогда антитела вырабатывались лучше, чем сейчас. Я твердо знал свое место и понимал, что в той ситуации людям надо было иносказаниями давать ощущение какой-то гармонии жизни. Так бывало во все века. Начиная с Аристофана так было. Возникал то Брехт, то Камю, кто-то возникал. И люди откликнулись. «Мюнхгаузен» вроде ироничная сказка, а письма о нем приходили даже из лагерей, мы понимаем, было написано в них, это о человеке, который при общении вранье старается остаться честным. То есть искусство может существовать всегда, мы все равно должны заниматься людьми и душами. Когда художники уходят в чистую политику — это грустно. По большому какому-то, божественному счету обидно, что сегодня хорошие писатели не пишут, а стоят на трибуне Верховного Совета. Понимаю умом, что так надо, но искусство от этого страдает. Знаете, Ренуар однажды сказал: когда горит Лувр, а по карнизу бегают кошка — надо спасать кошку, черт с ними, с картинами. Сейчас мы все бросились спасать кошку. Она — живая. И картины, к сожалению, будут гибнуть...

— И все же, возможно я ошибаюсь, но кажется, что сейчас, в нашей очень непростой жизненной ситуации, вы работаете над чем-то светлым и радостным. По театральному закону «обратного хода».

— Я стараюсь... Это, к сожалению, дело трудное. Я даже оставил две пьесы, которые начал, — серьезного такого, сатирического плана. Очень хочется дать и себе и людям передохнуть, на два часа собрать их в театре и дать возможность легко вздохнуть. Когда-то люди, чтобы снять напряжение, шли в церковь. Теперь театру надо взять это на себя. Но ему не позавидуешь. Однажды Анна Андреевна Ахматова сказала, что дарить друзьям надо то, что дорого тебе. Иначе не будет работы души.

— Какая из встреч последнего времени запомнилась вам больше всего?

— Меня всегда радовало общение с людьми светлого характера. Не так давно встретился в ФРГ с Кранидом Любарским, издателем журнала «Страна и мир». Че-

ловеком, глубоко пострадавшим. На его процессе Андрей Дмитриевич Сахаров был свидетелем. Так вот, Любарский, человек, выкинутый из страны, униженный ею, не озлобился. Он весь — в наших делах, в том, чтобы они шли лучше. Такие встречи дают надежды. Или есть у нас писатель Олег Волков, 28 лет просидел в лагерях, 90 лет недавно отметили ему. По-моему, все нормально, говорит. Рядом с такими людьми понимаешь, что твои собственные переживания — ничто.

— После премьеры «Кота домашнего» у таллиннцев появилась надежда, что за этой встречей последует еще одна. Но вы, как принято говорить, уклонились от ответа на вопрос, чем заняты сейчас.

— Секрета тут нет. Никак не кончу пьесу о Фаддее Булгарине.

Почему вдруг Булгарин? Хочется проникнуть в тайну людей, которые всегда были образцово-показательными с точки зрения власти. А для нас — образцово-негативными. За Булгариним же числится не только дурное. Легче всего обличать Фаддее «Флюгарина», вспоминать нелестные для него эпиграммы, говорить — он доносчик, что верно. Но я хочу представить себе и написать пьесу о 70-летию Булгарина. В России перемены, а человек, популярность которого одно время была не меньшей, чем у Пушкина, всеми забыт. Но была же у него какая-то своя правда. Пусть не правда — правденка, но была. Он же придумал что-то для оправдания собственной жизни. Вы знаете, он совершенно серьезно считал, что Пушкин — это и есть Сальери, а подлинный Моцарт — он, Булгарин. Меня это поразило — какое чистое заблуждение!

И вдруг к старости — полное забвение. И он обращается к Богу, и, чувствуя приближение смерти, ищет в своей жизни светлые моменты. И такой момент находит. О нем мне поведал безвременно ушедший Натан Эйдельман. Смотри, какой сюжет, сказал он. В день восстания декабристов либерал Булгарин прибежал к Рылееву. Вокруг стрельба, Рылеев ждал ареста и отдал ему портфель с рукописями. Рылеев — Булгарину! И Булгарин, который выдал потом очень многих, этот архив не продал, держал его при себе до старости лет. И вот ему кажется, что это он и предьявит Богу в свое оправдание. Да, он был человеком компромиссным (первым, кстати, напечатавшим «Горе от ума»), но наступает момент, подумал я, когда компромиссы кончаются. 70 лет, ты никому не нужен, студенты под окном улюлюкают, свистят и кричат: ты травил передовую мысль. И он выходит объясниться с ними, а через них с Богом. Ведь как хочется попасть в рай! Посмотрите, как сегодня многие из бывших высокопоставленных лиц хотят объяснить всем на свете, что они — порядочные люди. Бог с ними... осудив, сострадать несовершенству человека — задача трудная, но этому надо учиться. Иначе мы сами не станем другими людьми.

Вел беседу
Н. КИРИЛЛОВ.

Фото Е. Гайчука.